

По сравнению с тем Шэнь Цинжанем, что только прибыл в деревню Лицзяцунь, за прошедшие полгода он похудел цзиней на десять: подбородок заострился, талия стала тоньше, и теперь, туго стянутая поясом, казалась такой хрупкой, что её можно было обхватить одной рукой, отчего ягодицы стали еще более упругими.

Сюэ Фэйфэн, не отрывая взгляда от возмущенной спины Шэнь Цинжана, никак не мог взять в толк: почему его «жена», еще мгновение назад такая сговорчивая, вдруг так резко переменялась в лице?

Неужели из-за его слов о том, что надо «попробовать, чтобы поверить» в способность забеременеть?

Шэнь Цинжань избегает этой темы? Но ведь тогда, в деревне, когда он ошибочно решил, что Шэнь Цинжань беременен, тот не реагировал так бурно, лишь густо краснел. И если теперешние слова были откровенным флиртом, почему они вызвали такую бурю?

Или, может, есть вещи, о которых стоит говорить исключительно в постели, а так Шэнь Цинжань подумал, что его и впрямь принимают за женщину? Генерал, совершенно лишенный опыта в делах любовных, пытался строить догадки, опираясь лишь на интуицию.

— Жань-Жань, — Сюэ Фэйфэн, позабыв о боли и о своих «напряженностях», попытался спустить ноги с кровати. — Я не считаю тебя женщиной. Мне не стоило так глупо шутить, прости меня, Жань-Жань.

Шэнь Цинжань скривил губы.

Сюэ Фэйфэн не считает меня женщиной, но при этом, зная, что я мужчина, всё равно лелеет безумную надежду, что я рожу ему сына. Это еще возмутительнее!

— Не двигайся! — Шэнь Цинжань, уже успевший запахнуть одежду, обернулся и, увидев, что Сюэ Фэйфэн пытается встать, поспешно толкнул его обратно на кровать.

Сюэ Фэйфэн тут же перехватил его руку и прижал к своему полуобнаженному животу:

— Потрогай, видишь, они уже не такие твердые?

У кубиков пресса есть что сказать в свое оправдание.

«Неужели...» — Шэнь Цинжань шевельнул пальцами, но тут же поспешно отдернул руку: у Сюэ Фэйфэна явно были нечистые помыслы — он попытался под шумок сдвинуть руку парня еще ниже.

Я что, по-твоему, не знаю, как выглядит твой пресс, если щупаю его по три раза на день?!

Он всегда был твердым как камень! Разве могли десять лет изнурительных тренировок дать слабину в один момент?!

Шэнь Цинжань скрестил руки на груди и, глядя на Сюэ Фэйфэна сверху вниз, безапелляционно заявил:

— В последнее время стоит невыносимая жара, так что с сегодняшнего дня спим отдельно.

И в этом была доля правды. В восьмом и девятом месяце в северо-западных пустынях о кондиционерах и вентиляторах можно было только мечтать. Когда Шэнь Цинжань с таким

трудом откопал Сюэ Фэйфэна в песках, тот, едва взглянув на него, тут же потерял сознание. А стоило ему прийти в себя, как в раны попала инфекция и начался жар. Снедаемый тревогой, Шэнь Цинжань по ночам мог уснуть, лишь крепко обняв здоровую руку Сюэ Фэйфэна, и даже во сне не смел лишний раз пошевелиться.

Но теперь, когда раны затянулись, летний зной стал ощущаться во всей красе, и тут уже никакая внешняя привлекательность генерала не спасала от духоты.

Сюэ Фэйфэн был в шоке. Как последствия одной-единственной неосторожной шутки могли оказаться столь катастрофическими — вплоть до раздельного сна?!

— М-м-м! Ты что творишь?! — Шэнь Цинжань не успел и глазом моргнуть, как Сюэ Фэйфэн дернул его на себя, усадив прямо к себе на бедро здоровой ноги.

Поскольку Сюэ Фэйфэну было строго-настрого запрещено вставать с постели, Шэнь Цинжань всегда заботливо находился от него на расстоянии вытянутой руки, не отдаляясь даже в моменты гнева. И Сюэ Фэйфэн до безумия обожал эту черту своей «жены», сейчас ему мучительно хотелось опрокинуть его на спину и зацеловать до потери пульса.

Ведь с другой стороны были старые, едва затянувшиеся раны, и казалось, что любое неосторожное движение заставит их открыться вновь.

Шэнь Цинжань покорно замер на месте: Сюэ Фэйфэн точно нащупал его уязвимое место — раны генерала были для парня абсолютной ахиллесовой пятой.

— Жань-Жань, ну не злись больше. Клянусь, это просто вырвалось, я не всерьез.

— «Просто вырвалось»? Да у трезвого на уме, то у пьяного на языке! — Шэнь Цинжань отвернулся и процедил сквозь зубы: — Что, вспомнил, что у тебя там престол простаивает без наследника? И теперь планируешь завести кого-то на стороне, чтобы тебе ребенка родили?!

В деревне Лицзяцунь, когда он притворялся простоватым Ли Фэном, он был готов безропотно растить чужого отпрыска, смирившись с зеленой шапкой роконосца. А теперь, когда статус изменился, решил, что можно и о своих корнях позаботиться?!

От одной мысли о том, что всё его вскопанное с таким трудом поле достанется в наследство какому-то мелкому паршивцу, которого Сюэ Фэйфэн заделает с другой женщиной, Шэнь Цинжань... раздувался от ярости, как рыба-фугу!

Подумаешь, престол! У меня самого дома миллиардное наследство, и разве я хоть слово сказал, когда приехал сюда горбатиться на грядках?!

— Да как ты мог такое подумать?! — Сюэ Фэйфэн искренне опешил от столь нелепых подозрений. — Кто вообще сказал, что император обязан оставлять после себя потомство? Если уж ты не можешь родить, то мне и вовсе дети не нужны. У нас есть Цзиньфэн — неужели ты думаешь, что империю некому будет передать?

Генерал поспешно добавил, заметив логическую брешь в своих рассуждениях:

— И даже если бы ты мог родить, я бы всё равно не позволил тебе мучиться.

Сюэ Фэйфэн мягко обхватил подбородок Шэнь Цинжана и накрыл его губы своими, высвобождая нежно-розовый, припухший лепесток из плена плотно стиснутых зубов хозяина.

— Работать в поле и так невыносимо тяжело, а вынашивать ребенка целых десять месяцев — это каторжный труд. А когда родится, начнутся бессонные ночи, хлопоты, ни на секунду не отойдешь. Зачем мне обрекать тебя на такие страдания? Если бы моя воля, я бы хотел, чтобы мы просто бросили всё: тебе бы не пришлось ударять палец о палец, не пришлось бы заботиться о судьбах Поднебесной. Я бы откормил тебя до пухлых щечек, чтобы ты целыми днями только и делал, что вкусно ел, пил да отдыхал.

Его Жань-Жань от природы был соткан из очаровательной лени, и ему не нужно было ничего в себе менять — Сюэ Фэйфэн и так любил его без памяти. Он был готов работать за двоих, словно вол, лишь бы Шэнь Цинжаню не приходилось лишний раз утруждать себя.

Генерал даже испытывал легкую ностальгию по тем временам, когда Шэнь Цинжань мог расплакаться от обиды из-за необходимости выполнять грязную работу. Не то чтобы он был недоволен тем, каким Шэнь Цинжань стал сейчас, просто парень слишком исхудал. Исхудал до такой степени, что даже если бы он сейчас не сопротивлялся, у великого генерала вряд ли бы поднялась рука перейти к более решительным действиям.

Надо срочно его откармливать.

Сюэ Фэйфэн до смерти боялся утомить Шэнь Цинжаня. А вдруг после бурной ночи у него поднимется температура, аппетит пропадет, и тогда цель «откормить жену» отодвинется на неопределенный срок?

— Я что, по-твоему, свинья на откорме? — Шэнь Цинжань незаметно для Сюэ Фэйфэна растянул губы в улыбке, но, не желая показывать радости, просто положил голову ему на плечо.

Его легкое, теплое дыхание коснулось пульсирующей жилки на шее генерала, словно пытаясь передать свои чувства без слов.

— Ты мой маленький поросенок Шэнь, — с облегчением выдохнул Сюэ Фэйфэн, поняв, что буря миновала, и рассмеялся.

Раз уж разговор зашел о делах насущных, Сюэ Фэйфэн счел нужным добавить:

— Жань-Жань, не стоит так надрываться в поле. Три года — срок немалый. Урожаи бывают разные, год на год не приходится. Да разве бывает так, чтобы каждый год погода благоприятствовала? Мы делаем всё от нас зависящее, а остальное — в руках Небес. Не нужно взваливать на себя непосильную ношу. Ты и так уже засеял огромные площади; одних только семян с этих полей хватит, чтобы распространить их по всей стране.

Сюэ Фэйфэн и понятия не имел, что Шэнь Цинжань оказался заложником генетики, и что весь его хлопчатник придется сажать заново. Генерал искренне полагал, что семян с пятисот му хлопка с лихвой хватит, чтобы на следующий год засадить пять тысяч му, а через год — и все пятьдесят тысяч. То же самое касалось и остальных культур.

Шэнь Цинжань уныло поджал губы. Если бы ты знал, как же мне обидно и тяжело ковыряться в этой земле!

Но чувство долга перевешивало обиду, а осознание достигнутого сглаживало горечь пролитого пота. И в моменты, когда казалось, что сил больше нет, он просто стискивал зубы и продолжал работать.

В присутствии Сюэ Фэйфэна он мог позволить себе расслабиться и показать свою природную лень, но вот о своих глупых ошибках предпочитал помалкивать.

Он не хотел говорить о том, как они с Сюэ Фэйфэном вместе сажали рассаду риса на тысяче му — ведь это был плод их совместных усилий. Шэнь Цинжань просто не мог разбить генералу сердце признанием, что весь этот рис оказался бесполезным.

Сюэ Фэйфэн вложил в это столько сил.

Шэнь Цинжань промолчал, лишь молча потянул Сюэ Фэйфэна за раненую руку, осматривая её. В любом случае, та тысяча му риса не была посажена зря. По крайней мере, теперь Сюэ Фэйфэн уж точно не сможет усадить его в лодочку-рассадопосадочную машину и таскать за собой по полю.

Сюэ Фэйфэн заметил его подавленность:

— Так нельзя? Ты только посмотри на себя, от тебя же одна тень осталась!

Шэнь Цинжань бросил на него рассеянный, почти небрежный взгляд и, проявив чудеса смекалки, перевел стрелки:

— Когда свинью откармливают, её готовят на убой. Думаешь, я не знаю, какие мысли бродят в твоей голове?

— Это совершенно разные вещи, — с трудом попытался оправдаться генерал.

— Хватит отпираться! Скажи еще, что у тебя не было таких планов?

— Не было, — клятвенно заверил Сюэ Фэйфэн, для которого здоровье Шэнь Цинжаня всегда стояло на первом месте.

— Вот и славно. Значит, на ближайшие три месяца наложим строгое табу на эти самые дела, — Шэнь Цинжань не упустил шанса выторговать себе поблажку.

В поле пахать — это, по-твоему, не изнурительный труд?!

— Жань-Жань... — Сюэ Фэйфэн оказался загнанным в угол, ему оставалось лишь идти на попятную и отказываться от своих слов.

— Так твоя забота обо мне — это просто пустые слова?

Сюэ Фэйфэн:

— Клянусь, я буду нежен и не утомлю тебя.

Плывать, правда это или нет, главное сейчас — дать обещание.

Шэнь Цинжань с укором посмотрел на его раненую ногу:

— И чем ты собираешься подкрепить свои слова?

С такими-то травмами тебе придется использовать те самые позы, от которых у меня все кости трещат.

Сюэ Фэйфэн:

— Ну, когда раны заживут...

— Врачи говорят, что на полное восстановление после тяжелых травм уходит не меньше ста дней, — Шэнь Цинжань, сохраняя ледяную логику, методично загонял генерала в тупик.

Так или иначе, выходило ровно три месяца. Сюэ Фэйфэн от досады с силой шлепнул Шэнь Цинжаня по упругим ягодицам.

Стоило его «жене» начать мыслить стратегически — и это гарантированно оборачивалось против него самого.

Великий генерал наконец-то прозрел.

Впрочем, у Сюэ Фэйфэна на этот счет был свой тайный план: как только Шэнь Цинжань поправится хотя бы на десять цзиней, кто там будет вспоминать о каких-то договоренностях на несколько месяцев?

...

Как только Сюэ Фэйфэн смог самостоятельно передвигаться, он устроил допрос Сюэ Лифэну. Информация, которую он получил, практически слово в слово совпадала с тем, что выпытал у него Шэнь Цинжань.

На поле боя он гнал предводителя Бэйхуэя с неутомимой яростью, не давая ему ни шанса на передышку. Песчаная буря, застелившая небеса желтой мглой, сыграла ему на руку: телохранители вождя потеряли Сюэ Фэйфэна из виду. Воспользовавшись моментом, Сюэ Фэйфэн вытеснил противника из-за защитного оцепления. Это была их первая схватка один на один. Спрыгнув с коня, Сюэ Фэйфэн продолжил преследование пешком и настиг врага в самом сердце пустыни, положив конец десятилетней кровавой вражде.

Но победа далась ему дорогой ценой. Изматывающая погоня длилась всю ночь. Раненая нога Сюэ Фэйфэна не выдерживала нагрузки, а вождь Бэйхуэя пустил в ход отравленные дротики. Получив множество тяжелых ранений и лишившись коня, генерал потерял ориентацию в бескрайних песках. Силы покинули его как раз в тот момент, когда на горизонте показался спасительный оазис.

Если бы не Шэнь Цинжань, он бы навсегда остался в этой пустыне.

Придя в себя, Сюэ Фэйфэн честно рассказал обо всем своей жене. В наказание Шэнь Цинжань заставил его написать фразу «Не загоняй поверженного врага в угол» тысячу раз. На данный момент за генералом числился долг в девятьсот семьдесят одну копию. Поскольку «экзекутор» не отличался особой строгостью, Сюэ Фэйфэн, едва размяв затекшее запястье, тут же лишился кисти:

— Запишем в долг. Потом перепишешь всё с процентами.

Войска Бэйхуэя были практически стерты с лица земли, а их вождь пал в бою. Оставшиеся на родине силы представляли собой жалкое зрелище — разрозненные отряды, состоящие в основном из стариков, женщин и калек. Несколько дней назад они уже направили прошения о капитуляции как Сюэ Фэйфэну, так и императорскому двору.

Поэтому пытать у Сюэ Лифэна подробности его сговора с врагом уже не имело смысла. Достаточно было знать, что его дядя — та еще хитрая лиса, и держать ухо востро.

Сюэ Фэйфэн принял решение возвращаться в столицу. Если быть точным — в старую столицу на берегу реки Лян.

Если медлить дальше, придворные интриганы первыми почуют неладное и поднимут вопрос о возвращении в старую столицу, что обернется лишней головной болью.

Он планировал забрать с собой сорокатысячную армию, а остальные войска оставить под командованием Чжан Хуайпу для охраны северных рубежей.

Дата выступления была назначена. Напоследок Сюэ Фэйфэн выстроил перед собой все восьмидесятитысячное войско и прилюдно обезглавил Сюэ Лифэна. Это была казнь предателя, дань памяти братьям по оружию, павшим жертвами его вероломства.

По традиции Сюэ Фэйфэн обратился к солдатам с напутственной речью. Суровое лицо, сияющие доспехи... Если бы не легкая скованность в движениях, всё выглядело бы точь-в-точь как год назад, когда полный сил и отваги молодой полководец вел их в бой. Никто из них тогда и представить не мог, что их ведут на тщательно спланированную бойню.

Воспоминания нахлынули с новой силой, и голова Сюэ Лифэна скатилась с плахи.

Для солдат этот человек был не просто полководцем, за которым они шли в огонь и воду, он был их братом, вместе с которым они делили радость побед и горечь поражений. Скорое расставание никого не оставило равнодушным.

Когда церемония подошла к концу, солдаты с нескрываемым разочарованием уставились в пустоту за спиной генерала.

По правде говоря, им до смерти хотелось еще хоть раз взглянуть на свою «божественную госпожу».

Ведь скоро она станет императрицей, и простым смертным ее уже не увидеть! На такую неземную красоту нужно насмотреться вдоволь, запечатлеть в памяти каждую черточку, чтобы потом, когда жены понесут, во всех красках описывать им образ госпожи — глядишь, и детишкам перепадет частичка божественной благодати!

Те, кто прошел эту кампанию от начала до конца, никогда не забудут тот день, когда Шэнь Цинжань, выступая от имени пропавшего генерала, щедро наградил войска.

Словно золотой луч солнца, пробившийся сквозь беспросветную мглу отчаяния, он принес с собой не только рис и рыбу, но и самого Сюэ Фэйфэна. В тот миг они всем сердцем прочувствовали истинную цену победы, гордость за то, что с оружием в руках отстаивали родную землю, и радость возвращения к мирному, созидательному труду.

Сюэ Фэйфэн намеренно оградил Шэнь Цинжана от присутствия на казни — зрелище не для слабонервных. Однако, прекрасно понимая бесхитростные желания своих солдат, он обратился к Чан Баю:

— Где Жань-Жань? Пригласи его сюда.

Чан Бай удалился, но вскоре вернулся с озадаченным видом.

— Госпожи нигде нет.

Сюэ Фэйфэн установил для Шэнь Цинжаня жесткое правило: пока тот не поправится хотя бы на десять цзиней, ему категорически запрещалось приближаться к полям и браться за любую тяжелую работу. Исключение делалось только для приема пищи, да и ту генерал норовил скармливать ему с ложечки.

Попробуй тут поправься, когда над тобой так трясутся!

Шэнь Цинжань не мог просто сидеть сложа руки. Кто знает, когда ему еще доведется побывать на северо-западе? Раз уж оказался здесь, грех было не оставить местным жителям кое-какие семена.

Пшеница, хлопок, дыни, виноград.

Выбор был огромен.

Особенно хлопок. Раз уж он пообещал обеспечить каждого солдата зимней курткой, почему бы не посадить его прямо здесь?

Братья и сестра Чан, наученные горьким опытом (после того, как Шэнь Цинжань упал в голодный обморок), наотрез отказывались помогать ему с фермерством.

Сюэ Фэйфэн и так был на взводе, третья попытка точно вывела бы его из себя.

Незаметно улизнуть из лагеря было той еще задачей, поэтому Шэнь Цинжань обратил свой взор на Сюэ Цзиньфэна. Младший брат, не посвященный в предыдущие перипетии, легко поддался на уговоры невестки.

Шэнь Цинжань красочно расписал ему, какие огромные и медовые дыни он собирается выращивать — от одного описания слюнки текли.

Хитроумный Шэнь Цинжань обменял у Системы крошечный кусочек спелой дыни, и этого оказалось достаточно, чтобы Сюэ Цзиньфэн заглотнул наживку целиком.

Сюэ Цзиньфэн во главе отряда солдат с шумом и помпой заявил, что отправляется на охоту. Шэнь Цинжань, переодевшись простым рядовым, затерялся в их рядах.

У поместья «Тянься» были свои угодья и на северо-западе. Следуя указаниям на карте, Шэнь Цинжань нашел подходящую ферму и трудился там от рассвета до заката.

Сюэ Фэйфэн сегодня был занят муштрой и освободится только к вечеру.

В лагере всё было схвачено: если вернуться вовремя, никто ничего не заподозрит, и ноги останутся целы.

— Невестка, когда вернемся в столицу, давай заведем еще парочку алабаев, а? Очень хочется.

Шэнь Цинжань:

— Как только разгребем дела, я перевезу тех двух из поместья «Тянься».

Считай это наградой за твою сегодняшнюю сообразительность и помощь в побеге.

Шэнь Цинжань и Сюэ Цзиньфэн заключили договор о взаимовыгодном сотрудничестве.

Но внезапно тишину полей нарушил стремительный стук копыт. Лицо Сюэ Цзиньфэна побледнело:

— Беда! Это Юйцун! Брат нас выследил!

У Шэнь Цинжана душа ушла в пятки:

— Что делать?! Куда прятаться?!

Он оглядел свою перепачканную потом одежду и растрепанные волосы — неопровержимые улики каторжного труда. Однако, если Сюэ Фэйфэн не застукает его за работой с поличным, за пределами фермы он ничего не сможет ему предъявить.

Но если поймают — жди беды. Штрафные санкции и новые ограничения гарантированы. Указы Сюэ Фэйфэна не обсуждались и подлежали беспрекословному исполнению. Он вел себя точь-в-точь как отец Шэнь Цинжана в прошлой жизни, который, не терпя возражений, вытаскивал спящего сына из постели, устанавливал ему норму в двадцать тысяч шагов в день, привязывал данные к своему телефону и в случае невыполнения угрожал неделями жесткой армейской подготовки.

И отец был непреклонен: если данные о шагах вызвали хоть малейшее подозрение, он тут же звонил по видеосвязи, чтобы лично убедиться, что сын не схитрил.

Кто бы мог подумать, что однажды Шэнь Цинжана будут контролировать из-за его чрезмерного трудолюбия?

Вот бы отец мог дать Сюэ Фэйфэну пару уроков дистанционно!

Сюэ Цзиньфэн запаниковал:

— Мои люди разбили лагерь снаружи, брат их сразу вычислит. Невестка, может, лучше сдадимся с повинной?

Шэнь Цинжань одарил его презрительным взглядом. А побороться?!

Где твоя аура главного героя?!

— Окружить ферму! — скомандовал Сюэ Фэйфэн. В мгновение ока поместье оказалось в плотном кольце оцепления.

Сегодняшняя тренировка была посвящена тактике «загнать крысу в угол».

Шэнь Цинжань и Сюэ Цзиньфэн в панике метнулись вглубь фермы. Жена управляющего, находящаяся на седьмом-восьмом месяце беременности, с изумлением наблюдала за двумя перепуганными до смерти мужчинами.

— Те, что снаружи — они ведь из вашего гарнизона? Зачем они всё оцепили?

Сюэ Цзиньфэн поспешно ответил:

— Генерал Сюэ проводит учения. Не обращайтесь внимания, хозяйшка, ведите себя как ни в чем не бывало.

— А вы тогда...

— Сделайте вид, что нас здесь сегодня не было.

Поскольку ферма принадлежала Му Вэнькоу и, соответственно, косвенно подчинялась Шэнь Цинжаню, женщина не стала задавать лишних вопросов:

— Как скажете.

Шэнь Цинжань лихорадочно метался по дому в поисках укрытия, но тщетно. Спустя мгновение его взгляд остановился на внушительном животе жены управляющего.

Сюэ Цзиньфэн, словно прочитав его мысли, тоже посмотрел в ту сторону.

...

Из боковой калитки фермы показалась беременная женщина с огромным животом. Казалось, она вот-вот разродится.

Волосы растрепаны, на висках блестит холодный пот, бледные, дрожащие пальцы вцепились в рукав сопровождающего, зубы судорожно сжаты от невыносимой боли.

— Моя невестка... рожает! Пропустите нас, ради бога!

Управляющий и Сюэ Цзиньфэн тащили носилки.

— Повитуха принимает роды у дочери тетушки Ли, не успеет сюда добраться! Нам срочно нужно к ней!

Вся деревня знала, что невестка управляющего на сносях. Провиант, поставляемый помещьем «Тянься» для армии, часто хранился на этой ферме до прибытия людей Сюэ Фэйфэна. Один из солдат, стоявших сейчас в оцеплении, как раз отвечал за приемку этих грузов и не раз слышал от управляющего, что их род, состоящий из единственных сыновей уже семь поколений, наконец-то дождется долгожданного внука.

Солдат, не почуяв подвоха, поспешил успокоить:

— Не волнуйтесь, дядюшка Чжан! Обязательно родится здоровый мальчик!

— Расступитесь, дайте дорогу! Жизнь ребенка на кону!

Никто не смел пялиться на рожаящую женщину — это считалось дурным тоном. Солдаты отводили взгляды, мельком скользнув глазами лишь по Сюэ Цзиньфэну.

Слишком высокий и недостаточно худой — не тот, кого искал генерал.

Шэнь Цинжань с полной самоотдачей играл роль роженицы. Из-за своей склонности к обильному потоотделению, он выглядел на все восемьдесят процентов натурально, даже не прикладывая особых усилий.

У тебя — «загнать крысу в угол», а у меня — «золотая цикада сбрасывает панцирь» (хитрый побег).

Шэнь Цинжань еще не успел мысленно отпраздновать свой триумф, как внезапно почувствовал

ледящий холод за спиной.

Сюэ Фэйфэн, схватив Шэнь Цинжана за шкуру, смерил съежившегося, словно испуганный котенок, парня тяжелым, полным гнева взглядом:

— Беременна, значит?

Каждый раз, когда он заикался о беременности, Шэнь Цинжань находил тысячу и одну отговорку, чтобы выкрутиться и закрыть ему рот.

А сейчас, оказывается, ему самому так нравится разыгрывать этот спектакль?

Если он не заставит Шэнь Цинжана по-настоящему почувствовать, что значит «быть беременной», он просто не простит себе этот фарс!

<http://bllate.org/book/17933/2114455>